

I.

ГЕНЕРАЛЪ И АДМИРАЛЪ ФРАНЦЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЛЕФОРТЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ЕГО ВРЕМЯ.

XII (*).

Политика западныхъ державъ въ отношеніи Россіи.—Первый азовскій походъ.—
Степень участія въ немъ Лефорта.—Взятіе каланчей.—Неудачный штурмъ Азова.—
Отзывы Лефорта о первомъ азовскомъ походѣ.

Немного времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ послѣдняя роковая борьба съ турками и съ татарами во второй разъ сгубила большую русскую рать. Люди дальновидные уже тогда прозрѣвали въ царѣ Петрѣ война, которому суждено побороть враговъ христіанства; но молодому государю надлежало предварительно пройти школу, которая надѣлила бы его духовными и матеріальными средствами для рѣшенія великой задачи. Новое правленіе въ Россіи видѣло физическую несостоятельность исполнить убѣдительныя просьбы своей союзницы—Польши, возобновить войну съ татарами, безнаказанно вторгавшимися въ Воынь и Галичину; да, притомъ, исконная вражда между обѣими націями отнимала у русскихъ всякую охоту воевать объ-руку съ ляхами, хотя бы и противъ общаго врага. Цари Іоаннь и Петръ не имѣли желанія поддерживать и другаго

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1879 г. №№ 7, 8, 9, 10, 11 и 12.

союзника Россіи, римскаго императора, послѣ того какъ узнали, что онъ и король польскій завязали съ султаномъ переговоры о заключеніи мира помимо участія Россіи, вопреки договора 1686 года. Янъ Собѣскій всячески оправдывался передъ московскимъ дворомъ, а императоръ Леопольдъ поспѣшилъ отправить, для своего оправданія, особаго посла, Игнатія Бурца, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ былъ передать царямъ извѣстіе о блистательной побѣдѣ имперскихъ войскъ надъ турками. Это послѣднее обстоятельство подѣйствовало на московскій дворъ успокоительно; но въ то же время оно получило свѣдѣніи о козняхъ Людовика XIV въ Польшу — отвлекъ Яна Собѣскаго отъ союза съ Леопольдомъ и заключить договоръ между Франціей и Рѣчью-Посполитой.

Интриги французскаго короля, стоявшаго тогда (1688) на высшей точкѣ своего могущества, его абсолютистскія и папистскія стремленія, его планы подчинить себѣ западную Европу имѣли послѣдствіемъ то, что люди дальновидные и либеральные, какъ русскіе, такъ и иностранцы, окружавшіе Петра, обратили его вниманіе на важныя событія, совершавшіяся въ западной Европѣ. Впервые юный царь введенъ былъ въ область высшей политики, и направленіе его духа въ политическихъ комбинаціяхъ обозначилось тѣмъ, что онъ съ участіемъ и радостію принималъ вѣсти о побѣдахъ надъ французами англичанъ и голландцевъ. Въ Москвѣ явно сочувствовали двумъ послѣднимъ націямъ, и даже Женевской Республикѣ, какъ противникамъ католическаго абсолютизма Франціи, сочувствовали тѣмъ сильнѣе, чѣмъ усерднѣе голландскій министръ-резидентъ, баронъ фанъ-Веллеръ, и Лефорть старались представить политическія отношенія западныхъ государствъ въ надлежащемъ свѣтѣ.

Еще въ бытность свою въ Архангельскѣ, Петръ, среди помысловъ о созданіи русскаго флота, серьезно занимался обсужденіемъ вопроса о войнѣ или мирѣ съ турками и съ крымскими татарами; но когда именно рѣшено было возобновить войну съ врагами христіанства—этотъ вопросъ остается открытымъ. Необходимо предположить, что происходили большія приготовленія прежде, нежели, 20-го января 1695 г., послѣдовалъ царскій указъ всемъ стольникамъ, стряпчимъ, московскимъ и городовымъ дворянамъ, жильцамъ готовиться къ походу противъ крымскихъ татаръ, а не противъ турокъ. Замѣчательно, что планъ царя вступить въ борьбу съ турками на Азовскомъ Морѣ сохранился въ величайшей тайнѣ: нигдѣ нѣтъ извѣстій о томъ, что дѣлалось въ Москвѣ, и даже въ письмахъ Лефорты и приближенныхъ

къ нему ни однимъ словомъ не упоминается о предстоящемъ военномъ предпріятіи до возвѣщенія похода (*).

Во время приготовленій къ войнѣ, Петръ писалъ, между прочимъ, архангельскому воеводѣ Апраксину (16-го апрѣля 1695 года), что, устраивая осенній кожуховскій походъ, онъ имѣлъ въ виду только потѣху, но что теперь эта потѣха сдѣлалась предтевою дѣйствительной войны. Точно ли кожуховскіе маневры убѣдили царя въ годности вновь организованной рати къ борьбѣ съ вѣтными врагами Россіи, утверждать трудно; тутъ влила скорѣе, съ одной стороны, довѣріе къ самому себѣ, съ другой все болѣе и болѣе расширявшіеся планы гениальнаго монарха.

Шюсеръ, въ своей «Исторіи восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго» (I, 9, третьяго изданія) пишетъ: «Хотя, во времена последней осады Вѣны (1685), преждее военное значеніе турокъ пало, но за то они сдѣлались политической машиною, которую можно было употреблять противъ Австрій и противъ возростающаго могущества Россіи». Убѣжденіе въ этой истинѣ, на основаніи фактическихъ доказательствъ — интригъ Людовика XIV въ Константинополѣ— есть важнѣйшій, полный интереса, моментъ въ начинавшейся теперь упорной борьбѣ Петра и можетъ быть названо первымъ ключемъ къ политикѣ всей его жизни. Для молодого царя настало время обнять всю силою своего ума тѣ непремѣнныя условія, которыми онъ могъ упрочить свое господство и осуществить эти условія съ необыкновенною отвагою. Стоитъ только вспомнить, что Османская Порта употребляла всевозможныя усилія оттѣснить Россію отъ Чернаго Моря, лишать ее устьй лучшихъ рѣкъ, Дона и Днѣпра. Татарское хозяйничанье въ Крыму находилось подъ покровительствомъ султана и служило постояннымъ средствомъ не только противодѣйствовать русскому владычеству на югѣ, но и ослаблять Россію нескончаемыми опустошительными набѣгами крымцевъ. Здѣсь, въ черноморскомъ краѣ, лежалъ для Петра центръ тяжести для великаго дѣла. Двухратная попытка завоевать Крымъ стоила неисчислимыя жертвы. Но не Крымъ избралъ теперь царь точкою нападенія: онъ рѣшился атаковать самаго опаснаго врага, турокъ, непосредственно въ ихъ сильной крѣпости на Азовскомъ Морѣ, и сдѣлать ее базисомъ дальнѣйшихъ предпріятій.

Предпринятый весной 1695 года походъ къ Азову описанъ въ ежедневныхъ замѣткахъ генерала Гордона, и, за неимѣніемъ другихъ

(*) Причина та, что запрещено было писать за границу о гетеманскомъ походѣ.

источниковъ, историки руководствовались до сихъ поръ этимъ матеріаломъ; но источникъ, надобно сознаться, страдаетъ нѣкоторыми недостатками. Во-первыхъ, авторъ слишкомъ много занимается своею личностію и своими дѣйствіями. Гордонъ писалъ дневникъ, долженствовавшій напоминать собственнымъ его приключеніямъ, а такой матеріалъ едва ли можетъ имѣть чисто-объективное достоинство; субъективность играть въ немъ постоянно главную роль. Во-вторыхъ, политическія и релігіозныя воззрѣнія Гордона, а которыхъ говорено выше, имѣли немалое вліяніе и на описаніе общаго хода дѣлъ, и на сужденіе объ отдѣльныхъ личностяхъ, въ особенности о Лесортѣ. Вотъ почему необходимо познакомиться съ обстоятельствами перваго азѣвскаго похода: по-другимъ, должны извѣстными, истинными, и выставить въ настоящемъ свѣтѣ дѣятельность Лесорта въ эту войну (*).

Извѣстныя донныя краткія свѣдѣнія о составныхъ частяхъ тѣхъ военныхъ силъ, съ которыми Петръ предпринялъ борьбу противъ турокъ, пополняются слѣдующими сообщеніями Лесорта. 16-го февраля 1695 года онъ писалъ брату о говорящемся выступленіи въ походъ четырехъ корпусовъ:

«Первый корпусъ сформированъ въ Москвѣ и состоитъ изъ регулярныхъ и новонабранныхъ войскъ».

«Второй, гетмана или князя казаковъ (Мазепы), состоитъ изъ слишкомъ 60,000 человекъ; онъ идетъ къ Черкочу или Каакармену, для овладѣнія нѣкоторыми городами».

«Третій есть блгородская армія, въ числѣ ея около 40,000

(*) Въ первый разъ, во время этого похода, веденъ былъ походный и путевой дневникъ (журналъ) царя. На одномъ изъ бомбардировъ возложено было писать ежедневныя краткія замѣтки о маршѣ арміи, о разныхъ событіяхъ, обо всемъ, что случалось по близости Петра. Такія замѣтки о походѣ могли бы, безспорно, служить весьма важнымъ матеріаломъ, если бы онъ не были слишкомъ отрывочны и не заключали въ себѣ многихъ, ненужныхъ для исторіи, данныхъ, напримеръ о погодѣ. Подобныя «журналы» были ведены во все послѣдующіе походы Петра до 1708 года. Ондъ издѣланы лишь издаво, (1853), подъ редакціей Бычкова, старшаго библіотекаря императорской публичной библіотеки. Современныя записки Желябузскаго страдаютъ еще болѣе отсутствіемъ подробностей о первомъ военномъ предпріятіи Петра Великаго. Статя покойнаго генерала Раца объ арміяхъ походѣ 1695 года, помѣщенная въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ «Артилерійскаго Журнала» за 1857 годъ, замѣчательна въ особенности потому, что авторъ, на основаніи документовъ, хранящихся въ архивахъ и въ кабинетѣ Его Величества, представилъ самый сводъ свѣдѣній, критически обработанный, и, какъ будущій специалистъ, держась на одной сторонѣ или другой сторонѣ въ «Дневникѣ» Гордона. Свѣдѣнія, сообщаемыя выше о Лесортѣ и бывшія непознанными покойному генералу Рацу, еще болѣе подтверждаютъ его мнѣніе и взгляды.

кавалеріи и пѣхоты; этотъ корпусъ не будетъ отдѣленъ отъ рати гетмана».

«Четвертый есть резервный корпусъ на границахъ, расположенный въ окрестностяхъ Сѣвета».

«Оба послѣдніе отряда, назначеніе которыхъ есть совокупное дѣйствіе противъ татаръ, состоятъ подъ главнымъ начальствомъ боярина Бориса Петровича Череметова и организованы по крепкому образцу».

О первомъ корпусѣ, называвшемся до того «главною или большою ратью», подъ начальствомъ воеводы, которому подчинялись всѣ дѣйствующія войска, Лефортъ говоритъ: «Вся земля, то есть всѣ полки, вооружается, чтобы выступить въ походъ съ его величествомъ Петромъ Алексѣевичемъ, лишь только откроется рѣка. Первая армія отправится водою къ Азову, турецкому городу, который будетъ осажденъ его величествомъ. Лучшая артиллерія, какая оказалась на дѣло, предназначена туда. Четыре генерала будутъ сопровождать его величество и уже получили о томъ приказаніе. Перваго изъ нихъ вы знаете: это я, вашъ слуга. Мой полкъ, состоящій собственно изъ шести полковъ (*qui en fait six*), имѣетъ 12,000 человекъ; кромѣ того, я беру все мнѣ необходимое, именно 24 большія пушки и 24 большія мортиры, для конечнаго разрушенія города. Второй генералъ есть мой узень, генералъ Гордонъ, полкъ котораго состоитъ изъ 8,000 войскъ. Далѣе, русскій генералъ, имѣвшій съ собой такое же число пушекъ и мортиръ и, наконецъ, генералъ артиллеріи. Онъ (?) будетъ командовать донскими казаками и многими подполковниками астраханскими и казанскими» (*).

Отрядъ «русскаго» генерала, Артемона Михайловича Головина, заключающій въ себѣ, кромѣ пяти стрѣльчаныхъ полковъ, въ особенности «потѣшныхъ», т. е. полки Преображенскій и Семеновскій, которые теперь въ первый разъ упоминаются какъ полки, состоявшіе на дѣйствительной службѣ. Сюда же слѣдуетъ отнести и бомбардирскую роту, съ Петромъ Алексѣевичемъ, Федоромъ Троекуровымъ и Юганомъ Гумертмомъ въ главѣ. Первый изъ нихъ, царь, назывался бомбардиромъ по преимуществу, почему и у Гордона онъ встрѣчается подъ наименованіемъ «великаго бомбардира». Съ этой же войны Петръ сталъ считать свою дѣйствительную службу, именно со взятія Калашей подъ Азовомъ. Онъ былъ начальникомъ артиллеріи (бомбардиръ Лука Кабаровъ приписываетъ званіе его «генеральскому

(*). Слово «онъ» должно относиться не къ генералу артиллеріи, имя котораго умалчено, но къ предыдущему «русскому» генералу.

артилеріи»), хотя подъ Азовомъ, включая и тяжелыя осадныя орудія, она причислялась къ отряду генерала Головина (*).

Въ такомъ составѣ являлся рать или корпусъ, имѣвшій рѣшить столько же новую, сколько трудную задачу. Сила его, по современнымъ показаніямъ, не превышала 31,000 человекъ, кромѣ казаковъ, калмыковъ и черкесовъ, прибывшихъ позже подъ Азовъ. Главное начальство надъ нимъ принадлежало не одному лицу (Раходановскій, получившій послѣ кожуховской потѣхи титулъ «князя-кесаря», не участвовалъ въ походѣ), а тремъ, даже четыремъ генераламъ, начальникамъ отрядовъ. Для совокупнаго обсужденія предначертанныхъ военныхъ дѣйствій, царь приказалъ генераламъ собираться на совѣтъ; но рѣшенія генераловъ могли вступить въ силу только съ согласія бомбардира Преображенскаго полка Петра Алексѣева. Очевидно, что такое равновѣсіе должно было повести къ вреднымъ препирательствамъ между начальниками отрядовъ (**).

Въ приготовленіяхъ къ походу Петръ проявилъ величайшую дѣятельность: то онъ былъ занятъ на литейномъ дворѣ и въ лабораторіи, то совѣщался со своими генералами, то слѣзилъ въ Переяславль осматривать находившіяся тамъ пушки, то писалъ къ союзнымъ державамъ о предстоящей войнѣ. Въ какой же мѣрѣ помогалъ ему во всемъ этомъ Лефортъ? Подробныхъ свѣдѣній нѣтъ; но довольно знать, что въ эту пору онъ находился при царѣ съ раннего утра до позднего вечера, такъ что племянникъ его, пріѣхавшій тогда изъ Женевы въ Москву, съ удивленіемъ говорилъ о «непрерывныхъ занятіяхъ дяди», и высказывалъ даже досаду, что никогда не можетъ застать его дома и побесѣдовать съ нимъ покойно. Петръ, передъ отъѣздомъ, самъ былъ у Лефорта и приказалъ ему остаться въ Москвѣ, пока не будетъ отослано подъ Азовъ все необходимое.

28-го апрѣля, лишь только вскрылись рѣки, войско было посажено на струги и отправилось по Москвѣ, Олѣ и Волгѣ къ городу Царицыну; потомъ оно шло степью до Паншина, а отсюда, Дономъ, къ цѣли похода, куда прибыло 29-го іюня. Высадка была произве-

(*) Умолчаніе имени «генерала артилеріи» Лефортова и въ «журналѣ» наводитъ на мысль, что этотъ генералъ былъ самъ Петръ, какъ начальникъ части, преимущественно его интересовавшей. Хотя въ приписаніи къ «журналу» командиромъ артилеріи и показанъ стольникъ Иванъ Никиоровичъ Вельяминовъ-Зерновъ, но это показаніе ни на чемъ не основано. Рачъ высказался за Петра.

(**) Неудивительно, что разнообразныя мнѣнія о томъ или о другомъ вопросѣ являлись поводомъ къ неуклюжести и рѣзкому порицанію, что замѣтно и у Гордова. Но кто былъ правъ?

дона верстахъ въ востокъ выше предмета атаки. Древній и знаменитый Танаисъ, складочное мѣсто богатой генуэзской торговли, подчинился въ 1471 году туркамъ и названъ ими Азовомъ. Воспользовавшись выгоднымъ положеніемъ города на лѣвомъ берегу Дона, въ пятнадцать верстахъ отъ впаденія его въ море, турки немедленно укрѣпили Азовъ для господства надъ устьемъ рѣки, орошавшей плодороднѣйшія области Россіи. Однако въ 1637 году донскіе казаки овладѣли чрезвычайно сильно укрѣпленнымъ городомъ и держались въ немъ до 1642 года. Еслибы, въ царствованіе Михаила Феодоровича, воспользовались этимъ временемъ и поддержали отважныхъ донцовъ противъ громаднаго перевѣса турецкихъ силъ, то, по всей вѣроятности, Петру не пришлось бы вновь завоевывать эту крѣпость — задача, теперь тѣмъ болѣе трудная, что турки перестроили ее и привели въ отличное оборонительное состояніе.

Широкая рѣка раздѣляется, выше Азова, на многіе большіе рукава, изъ которыхъ одинъ, на правой, сѣверной, сторонѣ, почти параллельно текущій, называется Каланча или Каланга. Прежде чѣмъ достигнуть моря, онъ образуетъ нѣсколько малыхъ устій; самое сѣверное и самое большое изъ нихъ извѣстно подъ наименованіемъ Бутурьмы. Другой значительный рукавъ Дона, на сѣверной сторонѣ, изливающийся въ море большою дугою, былъ мертвый Донецъ. Вслѣдствіе такого развѣтвленія рѣки, образовалось множество островковъ, отчасти весьма низменныхъ, которые поросли камышемъ и заключали въ себѣ небольшія озера.

Крѣпость представляла правильный четверугольникъ, обведенный каменною стѣною, съ глубокимъ рвомъ; за стѣной былъ земляной валъ; внутри, кромѣ верховъ, находился довольно большой каменный замокъ или цитадель. Городъ, вмѣстѣ съ крѣпостію, хотя и не обширный, могъ однако вмѣстить въ себѣ многочисленный гарнизонъ. Внѣ города, на разстояніи полуверсты и даже цѣлой версты, уцѣлѣли земляные валы еще отъ прежняго времени. Въ трехъ верстахъ, по направленію верхняго берега рѣки, передъ самымъ истокомъ Каланчи изъ Дона, турки имѣли двѣ значительныя каменные башни, обильно снабженныя орудіями. Эти башни, или каланчи, лежали на обоихъ берегахъ, другъ противъ друга. Кромѣ того, рѣка была здѣсь преграждена желѣзною цѣпью. Наконецъ, при устьѣ мертваго Донца, возвышался еще каменный фортъ, называемый Лютитъ.

Такова была мѣстность, на которой русская арія заняла, съ 1-го по 4-е іюля, свои позиціи, чтобы начать осаду крѣпости. Генералъ Гордонъ первый сталъ лагеремъ внутри упомянутыхъ отарни-

ныхъ работъ, наступать къ крѣпости, и немедленно приступилъ къ фортификационнымъ работамъ. Спустя три дня, заняли свои позиціи генералы Головинъ и Лефортъ. Первый расположился на правомъ флангѣ осадной линіи, охватывавшей крѣпость полукольцомъ; второй на лѣвой сторонѣ. Бомбардиръ, съ Петромъ Алексѣевымъ, принадлежавшіе къ отряду Головина, стояли возлѣ позиціи этого генерала, на востокъ, такъ что находились въ ближайшей связи съ построеннымъ на мѣстѣ высадки фортомъ, гдѣ сосредоточивались: осадная артилерія, снаряды и лабораторія и гдѣ также были поставлены суда. Впрочемъ, Петръ удержалъ въ своемъ лагерѣ только четвертую часть артиллеристовъ; остальные были откомандированы къ прочимъ отрядамъ, для прислуги при орудіяхъ.

Ограничиваемая этими немногими данными, касающимися театра военныхъ дѣйствій, хотя болѣе подробное описаніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ условій было бы необходимо для правильной оцѣнки дѣятельности Лефорта въ продолженіе осады. Основываясь на словахъ Гордона, который, по извѣстнымъ причинамъ, представляетъ дѣйствія своего родственника подъ Азовомъ въ неблагоприятномъ свѣтѣ, Устряловъ дѣлаетъ выводъ о совершенной неспособности Лефорта въ военномъ искусствѣ; но слѣдующіе факты заслуживаютъ полного вниманія для характеристики похода вообще и нѣкоторыхъ участниковъ въ немъ.

Позиція Лефорта на крайнемъ лѣвомъ флангѣ была отдѣльная, сопряженная съ труднѣйшею задачею. Онъ стоялъ ниже города, по направленію къ Дону, по которому происходило свободное сообщеніе турокъ съ моремъ, такъ что отсюда могли быть доставляемы въ крѣпость люди, снаряды и продовольствіе. Движеніе по берегу совершалось также безпрепятственно. Въ тылу Лефортовой позиціи была расположена татарская конница, которая безпрепятственно соединялась, названнымъ путемъ, съ осажденными и поддерживала ихъ атаки. При такихъ обстоятельствахъ, Лефортъ долженъ былъ стараться, посредствомъ возможно-большаго распространенія своихъ фортификаціонныхъ работъ къ рѣкѣ, преградить и отрѣзать движеніе непріятеля по берегу. Турки скоро замѣтили это и встрѣтили его сильнымъ огнемъ изъ города, а вслѣдъ затѣмъ стали производить вылазки, нападая преимущественно на лагерь Лефорта. «Въ продолженіе четырнадцати недѣль, которыя я простоялъ подъ Азовомъ», писалъ онъ брату, «могу увѣрить васъ, производимы были ожесточенныя атаки, особенно на мою сторону, ибо я имѣлъ свой лагерь совершенно отлѣвѣннѣе, по направленію къ морю. Пѣхота изъ города соединялась

съ конницею или съ татарами, которыхъ было 10,000 человекъ, самыхъ отчаянныхъ—это черкесы (?)—для яростныхъ вылазокъ. Особенно сильна была вылазка 7-го июня. О ней Лефортъ уведомлялъ: «Первый бой продолжался упорно, ибо татары старались овладѣть моимъ лагеремъ; но черезъ два часа они отступили съ большимъ урономъ. Я также лишился храбрыхъ офицеровъ. Лагерь мой былъ засыпанъ стрѣлами. Нѣсколько сотъ солдатъ частью убиты, частью ранены..... Многие сомнѣвались, чтобы мой войска были въ состояніи выдержать столь жестокия атаки, безъ посторонней помощи; однако я преградилъ путь (по рѣкѣ) такъ, что Азовъ уже не имѣлъ сообщенія съ татарскою конницею. Непріятель былъ въ отчаяніи, и потому, въ теченіе четырнадцати недѣль, не проходило почти дня, въ который мы не имѣли бы удовольствія слушать грохотъ пушекъ. Я укрѣпилъ мой лагерь возможно-быстро, чтобы имѣть болѣе свободныхъ людей для апрошей на моей сторонѣ».

Не взирая на трудности, встрѣченныя при прегражденіи непріятелю доступа къ рѣкѣ, Лефорту удалось построить весьма скоро двѣ батареи и вооружить ихъ двѣнадцатью большими тридцатишести фунтовыми пушками и двадцатью пятью мортирами. Одновременно вырытъ былъ и ровъ къ рѣкѣ, послѣ чего съ батарей стали бросать бомбы въ городъ. Въ теченіе восьми дней, ихъ было брошено до шести тысячъ, почти совершенно разрушившихъ Азовъ.

14-е іюля было днемъ радостнаго для осаждающихъ событія. Казаки, съ охотниками Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, подъ начальствомъ полковника Шарфа, атаковали каланчу на южной сторонѣ рѣки, т. е. ближайшую къ русскому лагерю, и овладѣли ею послѣ упорнаго сопротивленія непріятеля. Тотчасъ же подвезено было еще большее число орудій, чтобы, на слѣдующій день, предпринять атаку второй башни. Сильное бомбардированіе, при которомъ Петръ самъ стрѣлялъ изъ пушекъ и изъ мортиръ, продолжалось цѣлый день; но до вечера еще не было достигнуто никакого результата, и только ночью гарнизонъ удалился, оставивъ всѣ пушки и снаряды. «Бомбардиръ Хабаровъ снялъ красное знамя съ башни и принесть его царю въ лагерь, какъ первый трофей гвардейской артилеріи» (*).

Но общая радость, по случаю одержанной побѣды, была обра-

(*) Рязь, стр. 44. Здѣсь число выстрѣловъ на второй каланчѣ каждымъ пушекъ показано 21; по сообщенію же Лефорта, на обложѣ башенныхъ выстрѣловъ болѣе 40 пушекъ.

чена событіемъ, о которомъ Лефорть рассказываетъ нѣсколько иначе, чѣмъ другіе историки.

14-го іюля, когда Петръ былъ занятъ атакою первой каланчи, вдругъ въ лагерѣ поднялся ужасный шумъ: въ полдень, въ пору отдыха людей, турки, предводимые бѣжавшимъ наканунѣ переметчикомъ (*), ворвались большими толпами въ крайнія траншеи генерала Гордона и стали рубить находившихся здѣсь стрѣльцовъ. Отъ этого произошла неописанная суматоха и всѣ бросились бѣжать. Даже шестнадцати-орудійная батарея не могла остановить непріятеля: турки ломались впередъ, не встрѣчая сопротивленія. Гордонъ, появившійся то въ траншеяхъ, то на батареяхъ и на редутахъ, тщетно пытался ободрить бѣгущихъ, пока самъ царь не подошелъ съ частію Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Турки были удержаны и затѣмъ совершенно отбиты. «Послѣ трехчасоваго боя», пишетъ Гордонъ, «русскіе опять могли занять свои траншеи». Потеря убитыми и ранеными была очень велика, и для Петра тѣмъ горестнѣе, что онъ лишился двухъ любимыхъ товарищей юности и второго бомбардира перваго отдѣленія, именно: сержантовъ Якова Воронина, Григорія Лукина и князя Федора Троекурова.

Гордонъ лишь мимоходомъ упоминаетъ объ этомъ событіи: «бѣда научила насъ быть осторожнѣе и заставляла тщательнѣе укрѣпить наши редуты и траншеи»; Лефорть же замѣчаетъ: «Мой кузенъ Гордонъ былъ несчастливъ, но не такъ, какъ пишутъ въ газетѣ (sou-gante) (**). Онъ потерялъ девять пушекъ и нѣсколько знаменъ; другія большія пушки были заклепаны. Если бы не это несчастье, все пошло быладно».

Взятіе обѣихъ каменныхъ башенъ было чрезвычайно важно для осаждающихъ: теперь они могли безпрепятственно и съ большею энергіей заняться осадными работами. Уже въ исходѣ іюля серьезно помышляли о штурмованіи крѣпости. Военный совѣтъ назначилъ его на 5-е августа. Вызваны были охотники, въ числѣ 4,500 человекъ, по 1,500 человекъ отъ каждаго изъ трехъ отрядовъ.

Подробное описаніе штурма въ «Дневникѣ» Гордона есть единственное свидѣтельство, дающее понятіе объ отдѣльныхъ эпизодахъ, и потому необходимо выслушать другіе голоса. Лефорть говоритъ: «Очень немногаго не доставало для того, чтобы овладѣть городомъ,

(*) Этотъ переметчикъ и измѣнникъ былъ Яковъ Яковъ. Гордонъ называетъ его нѣмецкимъ матросомъ; но, по болѣе точнымъ даннымъ, онъ былъ голландскій матросъ, принятый въ службу Петромъ въ Архангельскѣ и опредѣленный въ число бомбардировъ.

(**) Невѣстна въ какой.

если бы только одинъ генералъ во-время шѣлъ, въ готовности своихъ людей, какъ тому и слѣдовало бы быть. Изъ 1,500 помухъ 900 человекъ частью убиты, частью ранены. Они два часа держались на валахъ, чтобы спасти три знамени, упавшія во рвы крѣпости вмѣстѣ съ убитыми офицерами. Они хотѣли скорѣе погибнуть, чѣмъ потерять свои знамена. Солдаты дѣйствительно спасли ихъ. Если бы было лишникъ 10,000 человекъ, городъ былъ бы взятъ штурмомъ, но никогда не соглашенію (par accord). Турки упрямы, и слышать не хотятъ о пощадахъ (*).

Вслѣдъ за неудачнымъ штурмомъ собрался у Лефорта военный совѣтъ, для рѣшенія вопроса о снятіи или продолженіи осады. Царь высказался въ пользу продолженія, съ тѣмъ, чтобы самымъ дѣятельнѣйшимъ образомъ заняться минною войною. Главнымъ инженеромъ былъ Францъ Тиммерманъ; помощниками его были: Адамъ Вейде, Яковъ Брюсъ, Альбертъ-Іосифъ Морло, незадолго передъ походомъ прибывшій въ Россію, и вѣскольکو другихъ неизвѣстныхъ. Они приступили къ заложению большихъ минъ и контръ-минъ; но какъ плохо знали свое дѣло эти инженеры, свидѣлствуютъ многіе примѣры, изъ которыхъ одинъ былъ особенно пагубенъ для русскихъ.

Болѣе мѣсяца производились усердныя работы подъ землею; но турки открывали ихъ, и верки, съ такимъ трудомъ возведенныя, были разрушаемы. Тогда состоявшій при генералѣ Головинѣ инженеръ (**), вывадся подвести свою мину подъ непріятельскіе баувертъ и валы и взорвать ихъ. Происходили многочисленныя совѣщанія объ удобоисполнимости этого плана. Гордонъ, въ особенности, высказался противъ «молодаго минёра»; но царь рѣшилъ, чтобы взрывъ былъ исполненъ въ его присутствіи. Мина отбросила всю землю, съ досками, балками и камнями, на своихъ же людей въ траншеяхъ.... Убитыхъ и черераненыхъ оказалось много....

Взрывомъ мины надѣялись произвести въ непріятельскомъ валу большую брешь, утвердиться на немъ и штурмовать.... И весь этотъ замыселъ кончился такимъ жалкимъ образомъ.... Что оставалось предпринять? Правда, огонь русскихъ городъ и крѣпость были

(*) После такихъ показаній, трудно допустить справедливость упрека, высказаннаго Гордономъ относительно Лефорта или его отряда. „находившіеся на лѣвомъ флангѣ не сдѣлали рѣшительно ничего“. Во время штурма, непріятельская конница сильно тревожила русскій лагерь, особенно на лѣвомъ флангѣ, въ тылу котораго она стояла. Невдал Лефортова ливія упрямленій къ рѣкѣ также была атакована шарко.

(**) Имени этого инженера нигдѣ не встрѣчается; по всей вѣроятности, „молодой, неопытный человекъ“, какъ называетъ его Гордонъ, былъ Яковъ Брюсъ. Какую же роль игралъ тутъ главный инженеръ Тиммерманъ?—неизвѣстно.

почти совершенно разрушенъ и гарнизонъ пенять жестокой урсы; но о сдачѣ не было и помину. Турки не отвѣчала даже на требованіе Петра сдаться. Осажденные были слыши еще тѣмъ, что нѣкая свободное сообщеніе въ Шоревъ и оттамъ путемъ получали подкрѣпленія, спариды и продовольствіе. Татары, хотя уже нередко ослабѣнные, могли, однако, постоянно тревожить осаждающихъ и наносить имъ немалый вредъ.

«Великій бомбардиръ» видѣлъ нѣкое уменьшеніе состава своихъ полковъ. Многіе отличные офицеры пали. Солдаты, правда, прилежно работали надъ возведеніемъ верховъ, но толку отъ нихъ не знали, и потому унывали духомъ. Такъ или иначе, а осаду надобно было кончить. Оказался недостатокъ въ продовольствіи. Раньше обыкновеннаго начались проливные дожди съ градомъ и снѣгомъ; наступила холодная погода; въ траншеи наполнялись водою; люди страдали вдвойнѣ... При нѣстныхъ и капризныхъ условіяхъ, самое отступленіе, по мѣрѣ замедленія, представлялось все болѣе и болѣе въ мрачномъ и опасномъ видѣ.

Снять немедленно осаду и отступить, или еще разъ предаривать штурмъ—этотъ вопросъ былъ обсуждаемъ неоднократно. Вся горла желаніемъ побѣдить, тѣмъ болѣе Петръ, который, по самому свойству своего характера, никогда не отказывался отъ настойчиваго стремленія къ предначертанной цѣли. Въ день св. Сергія, Радоужскаго чудотворца (25-го сентября), назначенъ былъ новый штурмъ всѣми, имѣвшимися на лицо, силами. Сигналъ къ атакѣ былъ поданъ въ три часа пополудни. Завязался упорный, ожесточенный бой; Петръ повсюду присутствовалъ подъ сильнѣйшимъ огнемъ; три раза попалъ въ числѣ ихъ Преображенскій и Семеновскій, пытались, по его повелѣнію, утвердиться на неприступныхъ валахъ и проникнуть въ больверкъ, и всякій разъ были отбиваемы. Отдѣлено было все, что только можно было сдѣлать; но дальнѣйшее упорство оказывалось безплоднымъ. Кровавый день кончился приказаніемъ войскамъ—отступить.

Генералъ Гордонъ, упоминая о томъ, что «никто изъ другихъ генераловъ не поддержалъ его мнѣнія противъ попытки штурма», могъ имѣть въ виду преимущественно Лефорта. Судить объ этомъ трудно, потому что мнѣніе послѣдняго неизвѣстно въ точности. Достоверно только то, что Лефортъ находился въ жаркомъ огнѣ и овладѣлъ однимъ изъ красныхъ знаменъ непріателя. О самомъ же походѣ онъ сообщаетъ слѣдующія общія данныя: «Мы бросили въ Азовъ болѣе 15,000 бомбъ. Городъ былъ въ—конечъ разрушенъ и

сѣженъ. Гарнизонъ его состоялъ изъ 8,000 отборныхъ солдатъ; уцѣлѣло изъ нихъ не болѣе двухъ тысячъ. Если бы его величество зналъ о такой численности гарнизона, то взялъ бы съ собою больше войска. Будь у насъ 10,000 лишнихъ солдатъ, городъ палъ бы навѣрное. Сильная стужа принудила снять осаду; да и разстояніе отъ Азова до Москвы слишкомъ велико. Съ Божіей помощію, я привелъ назадъ изъ 10,400 моихъ солдатъ около 8,000. Всѣ мои пушки остались при мнѣ, равно и знамена».

При отступленіи, рѣшено было возобновить, впоследствии, осаду Азова, и потому обѣ каланчи были укрѣплены и вооружены въ такой мѣрѣ, чтобы могли не только выдержать блокаду со стороны турокъ, но и вліять на стѣсненіе самаго города. Въ нихъ оставили трехтысячный гарнизонъ, по тысячѣ человѣкъ отъ полка, подъ начальствомъ воеводы. Осадная артилерія и снаряды были помѣщены въ упомянутомъ выше фортѣ, у мѣста высадки, охраняемомъ каланчами.

2-го и 3-го октября русская армія начала свое отступленіе, постоянно тревожимая непріятелемъ, и 5-го числа благополучно достигла Черкаска. Однако теперь уже нельзя было возвращаться водою; надлежало идти степью, во всю ея ширину. Каковъ былъ этотъ маршъ, можно судить по обоимъ крымскимъ походамъ. Въ настоящемъ случаѣ было еще хуже: свирѣпствовали сильнѣйшія бури и снѣжныя вихри; стужа смѣнялась проливными дождями; травы, дровъ и годной къ питью воды не встрѣчалось нигдѣ; наведеніе мостовъ черезъ рѣки поглощало много времени, вслѣдствіе чего войска двигались крайне медленно, а продовольственные припасы истощались тѣмъ скорѣе. Лошадей пало множество. Лефортъ пишетъ, что собственно только степью походъ длился три недѣли, пока, 1-го ноября, не добрались до Валуекъ, перваго русскаго города на рѣкѣ того же названія. Царь Петръ ни на минуту не оставлялъ своей арміи, дѣлялъ съ нею всѣ тягости и лишенія, и, конечно, этому обстоятельству должно приписать, что потеря въ людяхъ не была слишкомъ велика, судя по числовымъ даннымъ, сообщаемымъ генералами Гордономъ и Лефортомъ. Сдѣлавъ нужныя распоряженія, царь поѣхалъ изъ Валуекъ впередъ и остановился, въ ожиданіи полговъ, по близости Тулы, на желѣзныхъ заводахъ дяди своего, Льва Бирюловича Нарышкина. Здѣсь генералы нашли его за усердною работою молотомъ въ кузницѣ. 22-го ноября послѣдовало торжественное вступленіе войскъ въ Москву.

Народъ радостно встрѣтилъ молодого царя, не увѣнчаннаго, прав-

да, побѣдою, но проявившаго, въ первой своей борьбѣ съ турками, воинскія доблести и необыкновенную силу души. Все это понимали русскіе люди, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Петръ Лефорть, состоявшій при главной квартирѣ, въ качествѣ волонтера. Онъ писалъ своему отцу (6-го декабря): «Я очень желалъ бы сообщить вамъ нѣкоторыя извѣстія о походѣ, въ надеждѣ, что они были бы вамъ пріятны; но я долженъ ограничиться указаніемъ на то, что сдѣлано и чѣмъ причинены туркамъ и татарамъ большой вредъ и чувствительныя потери. Двѣ большія башни, которыми овладѣлъ его величество, имѣли для нихъ важное значеніе: эти башни они теперь не только блокированы, но и оттѣснены отъ рѣки. Это событіе, могу увѣрить васъ, произвело здѣсь великую радость, и народъ, имѣя такого доблестнаго государя, считаетъ себя столь счастливымъ, что даже невѣроятно (*le peuple se trouve si heureux d'avoir un prince avec tant de courage, que c'est une chose incroyable*). Словомъ, дѣла удалась лучше, чѣмъ предполагали я и многіе другіе, болѣе меня опытные».

Самъ Францъ Яковлевичъ, пространно писавшій брату о своихъ дѣйствіяхъ подъ Азовомъ (на его письмѣ и основаны вышеприведенныя данныя), упоминаетъ кратко о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ Крыму, подъ начальствомъ Шереметева. «У непріятеля взяли четыре города (въ томъ числѣ крѣпости Казыкирмень и Тамань) и отняли болѣе ста пушекъ. Невольники (*esclaves*, т. е. плѣнные) будутъ переведены на галеры, которыя теперь строятся: мужчинъ забрано въ плѣнъ слишкомъ 1,200, также весьма много женщинъ и дѣвицъ. Если бы вы не жили такъ далеко, я прислалъ бы вамъ ихъ дюжину».

Походъ противъ турокъ научилъ Петра многому. Три главныя причины, очевидно, содѣйствовали неуспѣху предпріятія: во-первыхъ, недостатокъ флота на Азовскомъ Морѣ, съ помощію котораго можно было бы запереть устье Дона, ибо, пока непріятель свободно владѣлъ рѣкою и получалъ все необходимое для крѣпости, нечего было и думать о побѣдѣ; во-вторыхъ, неимѣніе искусныхъ и опытныхъ инженеровъ, минеровъ и артиллеристовъ; въ-третьихъ, многовластіе въ прѣводительствованіи войсками, повлекшее за собою чрезвычайно вредныя послѣдствія. Все это было признано Петромъ, и потому онъ безотлагательно приступилъ къ устраненію причинъ неудачи похода. Какое участіе принималъ Лефорть въ новомъ родѣ дѣятельности своего царственнаго друга, увидимъ въ слѣдующей главѣ. Теперь же отмѣтимъ только, что онъ, какъ и всѣ иностранные офи-

перы, прибывшіе изъ-подъ Азова, обратился къ прежнему образу жизни въ Слободѣ. Понятно, что нигдѣ, какъ въ его домѣ, могло быть устроено и большое торжество по случаю возвращенія арміи: Петръ пожелалъ собрать за веселую трапезу всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ. «Въ прошлый вторникъ» (3-го декабря), писалъ Лефортъ, «его царское величество Петръ Алексѣевичъ удостоилъ обѣдать у меня со всѣми боярами. Много палили изъ пушекъ; играла всякаго рода музыка, а послѣ обѣда долго танцовали. И все это, несмотря на мое нездоровье, причиненное мнѣ паденіемъ на возвратномъ походѣ чрезъ степь».

ХІІІ.

Почему Петръ назначилъ генерала Лефорта адмираломъ будущаго русскаго флота.—Судостроеніе въ Переяславѣ-Залѣскомъ.—Вторая поѣздка Петра въ Архангельскъ.—Приготовленія ко второму азовскому походу.—Составъ сухопутныхъ и морскихъ силъ.

Послѣ перваго азовскаго похода, Петръ назначилъ Лефорта адмираломъ русскаго флота. Естественно представляется вопросъ: что же побудило царя, безъ сомнѣнія умѣвшаго давать оцѣнку людямъ и вовсе несклоннаго шутить дѣломъ, назначить сухопутнаго генерала начальникомъ морскихъ силъ, отъ которыхъ зависѣло достиженіе великой и важной цѣли? Прихоть, капризъ, пристрастіе къ любимцу, къ собесѣднику, говорившему только о забавахъ—отвѣчаетъ Устряловъ. Но такъ не объясняются и не разрѣшаются историческіе вопросы. Подобное объясненіе могло бы, пожалуй, имѣть мѣсто въ томъ лишь случаѣ, если бы историкъ хотѣлъ представить своего героя, преобразователя Россіи, неопытнымъ и ничего не знающимъ юношей, такимъ онъ былъ за пять лѣтъ, смутно, какъ бы оцѣпью, бросавшимся то въ ту, то въ другую сторону, лишеннымъ всякой гениальной прозорливости.... Лефортъ, дѣйствительно, никогда не занимался морскимъ дѣломъ, не обладалъ необходимыми моряку знаніями; но прежде надобно спросить: въ чемъ заключался тогда русскій флотъ? могъ-ли онъ возникнуть разомъ, будто по мановенію волшебнаго жезла? былъ-ли въ Россіи хотя одинъ человекъ, на столько опытный и искусный въ морскомъ дѣлѣ, чтобы ему можно было довѣрить командованіе эскадрою? Самъ царь былъ единственный человекъ, который больше всѣхъ и усерднѣе всѣхъ занимался, съ безпримѣрнымъ напряженіемъ силъ, постройкою и снаряженіемъ судовъ; онъ, во время двукратнаго пребыванія въ Архангельскѣ, практически изучилъ морскую службу и управленіе кораблемъ. Что же удивительнаго въ томъ,

что, приступивъ къ серьезной работѣ, къ отважному предпріятію, отъ котораго такъ многое зависѣло, онъ выбралъ, изъ окружавшихъ его лицъ, своимъ ближайшимъ въ новомъ дѣлѣ помощникомъ того, кто уже представилъ ему убѣдительнѣйшія доказательства своей прозорливости, быстрого пониманія, неустанной дѣятельности, надежности и вѣрности въ каждомъ порученіи? Величіе Петра заключается именно въ томъ, что въ началѣ онъ инстинктивно и безсознательно, но быстро и ясно, провидѣлъ вѣрныя средства къ достиженію цѣли, и затѣмъ немедленно приступалъ къ самому дѣлу. Какимъ же образомъ могъ онъ, при всей своей гениальности и творческой силѣ, подняться на эту степень? откуда почерпалъ онъ удовлетвореніе потребностямъ своего духа? Какъ и всякому смертному, ему нужны были уроки и опыты; какъ и всякій гениальный человѣкъ, онъ сознавалъ необходимость въ побудительныхъ причинахъ для развитія своихъ необыкновенныхъ духовныхъ силъ. Кто умѣлъ и могъ слѣдовать за нимъ по этому пути всѣхъ рѣшительнѣе, умнѣе и настойчивѣе и не боялся никакого труда, того онъ сейчасъ же оцѣнивалъ и употреблялъ на все при нетерпѣвшихъ отлагательства случаяхъ... И такъ, если здѣсь ключъ къ уразумѣнію того, почему Петръ назначилъ Лефорта адмираломъ будущаго флота, то надобно изслѣдовать, какія услуги оказалъ ему Францъ Яковлевичъ въ этомъ новомъ дѣлѣ.

Кому неизвѣстны обстоятельства, при которыхъ Петръ, еще въ 1688 году, узналъ знаменитый ботикъ, дѣдушку нашего флота? Кто не читалъ подробностей потѣшнаго плаванія его на этомъ ботикѣ, сначала по Яузѣ, потомъ по пруду въ саду села Измайлова и, наконецъ, на Плещеевомъ Озерѣ, близъ Переславля-Залѣскаго? Кто не слѣдилъ за его корабельными здѣсь работами, долженствовавшими имѣть такія великія послѣдствія для основанія морскихъ силъ Россіи? Что Лефортъ неотлучно находился при царѣ во время занятій его на переславльской верфи, доказываетъ, между прочимъ, слѣдующее обстоятельство: на южной сторонѣ Плещеева Озера, въ двухъ верстахъ отъ города, близъ села Велькова, былъ выстроенъ для Петра деревянный одноэтажный дворецъ, и въ этой же мѣстности государь приказалъ построить домъ для Лефорта. Такъ какъ въ Переславлѣ не оказалось необходимыхъ для снаряженія и вооруженія судовъ матеріаловъ, то Лефорту поручилъ Петръ доставить сюда пушки и порохъ, якоря, канаты, парусину, разныя желѣзныя вещи и даже маляго разштра суда. Кораблестроеніе шло столь быстро, что, еще въ половинѣ 1692 года, Лефортъ писалъ въ Женеву о «флотѣ», а дат-

скій министръ-резидентъ, въ денешнѣ своей, отъ 24-го іюня, извѣщалъ свое правительство: «Его величество молодой царь находится за-городомъ (въ окрестностяхъ Москвы), гдѣ съ удовольствіемъ слѣдитъ за постройкою военныхъ судовъ. Уже пять такихъ судовъ кончены и вооружены пушками большаго калибра. На наибольшемъ изъ нихъ, говорятъ, тридцать орудій. Есть предположеніе произвести подобіе морскаго боя, чтобы видѣть маневрированіе судовъ; но отъ этой первой попытки не ждутъ ничего добраго».

И все это новое для Россіи созданіе возникло въ недалекомъ разстояніи отъ Москвы. Естественно было желаніе молодого царя показать дѣло своихъ рукъ царицѣ-матери, царицѣ-супругѣ, боярамъ, и потому рѣшено было, чтобы весь дворъ отправился въ Переславль-Залѣскій присутствовать при необыкновенномъ зрѣлищѣ. Отъѣздъ двора послѣдовалъ 22-го іюня. Странно, что на русскомъ языкѣ нѣтъ ни офиціального, ни частнаго извѣстія о пребываніи тамъ двора, равно и о томъ, что происходило на Плещеевомъ Озерѣ. Только два иностранца-современника сохранили для потомства довольно подробное сказаніе объ этомъ событіи: Лефорть, которому царь приказалъ остаться въ Москвѣ для исполненія нѣкоторыхъ распоряженій, впредь до полученія приказанія прибыть въ Переславль, и Гордонъ, который, по вызыву царя, пріѣхалъ сюда 13-го августа и занесъ въ своей «Дневникѣ» краткія отиѣтки о случившемся.

26-го сентября Лефорть писалъ своему старшему брату, между прочимъ, слѣдующее: ..... «Флотъ въ Переславлѣ былъ готовъ, т. е. пять кораблей (*vaisseaux*), чрезвычайно богато отдѣланныхъ его царскимъ величествомъ, одна галера и многіе боты, на озерѣ шириною въ два мѣ и длиною около четырехъ мѣ; но болѣзнь моя (горячка) причиною, что я не могъ быть тамъ. Такъ какъ ихъ царскія величества отправились туда прежде моей болѣзни, оставивъ меня въ Москвѣ для исполненія нѣкоторыхъ приказаній, то моя болѣзнь очень удивила ихъ. Могу васъ увѣрить, любезный братъ, что ихъ царскія величества удостоили меня присылкою ко мнѣ многихъ гонцовъ, даже особъ высокопоставленныхъ, желая знать въ какомъ я нахожусь положеніи. Врачи дѣйствовали усердно, и, по милости Божіей, я мало по малу сталъ поправляться. Вида, что ихъ величествамъ очень желательно было мое присутствіе въ Переславлѣ, я отважился, тотчасъ послѣ болѣзни, ѣхать туда. Разстояніе отъ Москвы полагаютъ въ двадцать четыре мѣ.

«Не могу выразить вамъ ту радость, которую обнаружили его величество и всѣ придворные сановники. Такъ какъ я имѣю честь

командовать кораблемъ, называемымъ «Марсъ», на которомъ почтилъ меня своимъ присутствіемъ ихъ величества (où Leurs Majestés me font l'honneur d'être dessus), то, немедленно по моемъ приѣздѣ, его величество отправился на названный моравль и послалъ бригантину, чтобы перевезти меня къ его особѣ. Когда я ступилъ на коравль, то былъ удостоенъ такими великими почестями, что и описать не могу. Палили изъ всѣхъ пушекъ, и послѣ того какъ государь показалъ мнѣ всѣ богатства и украшенія или отдѣлку моего корабля, мы возвратились на берегъ. Онъ (Петръ) повелѣлъ, чтобы со всѣхъ судовъ, по поводу моего приѣзда, салютовали пушечными выстрѣлами. Затѣмъ меня отвезли въ мой домъ, построенный для меня его величествомъ. Зданіе прекрасное.

«На другой день, его величество оказалъ мнѣ честь отобѣдать у меня, а на третій ему благоугодно было угощать меня на нашемъ кораблѣ, причѣмъ цѣлый день палили со всѣхъ судовъ».

Лефорть пробылъ въ Переславлѣ только три дня, съ 25-го по 28-е августа, когда дворъ возвратился въ Москву.

Какъ изъ письма Лефорта, такъ изъ отиѣтокъ въ «Дневникѣ» Гордона трудно воспроизвести, отвѣчающій дѣйствительности, очеркъ всего случившагося въ Переславлѣ; а это было бы тѣмъ необходимѣе, что выводы позднѣйшихъ историковъ не вполне согласны съ показаніями Лефорта. Напримѣръ, Устряловъ, опираясь на слова Гордона, утверждаетъ, что маневры происходили не только на водѣ, но и на сушѣ (*), и что князь Федоръ Юрьевичъ Рамодановскій, кромѣ чина генералиссимуса, имѣлъ и званіе адмирала». Къ этому Устряловъ

(*) Устряловъ основываетъ свое мнѣніе о сухопутныхъ маневрахъ на показаніи Гордона (подъ 9-мъ августа), что „его Бутырскому полку приказано было выступить“, и что *потому* полкъ долженъ былъ находиться въ Переславлѣ. Но въ „Дневникѣ“ Гордона именно сказано, что самъ генераль не долженъ былъ сопровождать полкъ, а два дня спустя, Гордонъ получилъ приказаніе прибыть къ Петру. Не говоря уже о томъ, что, во время пребыванія генерала въ Переславлѣ, ни единымъ словомъ не упоминается ни о его, ни о другихъ солдатахъ, равно и о военныхъ упражненіяхъ, нельзя и допустить, чтобы Петръ, въ этотъ моментъ, могъ помышлять о военномъ парадѣ. Подки свои онъ довольно показывалъ и двору, и народу; теперь душу его занимали другія цѣли.

Что же касается *выступленія* Бутырскаго полка, то въ депешѣ голландскаго министра-резидента 24-го іюня сказано: „Въ видѣ предосторожности, оповѣстили все земское дворянство, живущее въ окрестностяхъ Москвы, чтобы оно было готово выступить по первому требованію. Полагаютъ, что оно двинется къ границамъ Крыма, чтобы противостать хану, подвизавшемуся со всеми своими татарскими ордами“. Очевидно, что послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ приказаніе Гордону полку о выступленіи, и притомъ подъ начальствомъ только полковника, не имѣетъ ничего общаго съ Переславлемъ.

прибавляетъ: «Вотъ *нашъ первый адмиралъ*, а не Лефортъ, вопреки позднѣйшимъ историкамъ! (*)»

Такимъ историческимъ открытіемъ авторъ вызываетъ критику относительно признаваемого донынѣ факта, критику тѣмъ болѣе необходимую, что вопросъ касается Лефорта; притомъ, если допустить, что князь Рамодановскій уже въ это время былъ назначенъ адмираломъ, то подобная догадка повела бы къ неправильнымъ сужденіямъ и о тогдашнемъ положеніи дѣла, и о характерѣ Петра.

Прежде всего рѣзко выступаетъ впередъ фактъ, что генераль Гордонъ, въ бытность свою въ Переславлѣ, вовсе не говоритъ объ «адмиралѣ». Онъ пишетъ въ своемъ «Дневникѣ»: «Wee dined *aboard* the Admiral with ceremony», т. е. «мы обѣдали *на адмиральскомъ кораблѣ*». Выводъ же изъ того, что, гдѣ былъ адмиральскій корабль, тамъ долженъ былъ существовать и адмиралъ, кажется, въ настоящемъ случаѣ наименѣе возможнымъ. Но допустимъ такой выводъ, и тогда, естественно, представляется вопросъ: кто же былъ адмираломъ? Имени его рѣшительно нигдѣ не упоминается; нѣтъ даже намекъ на то, *кто* былъ облеченъ въ этотъ чинъ. Устряловъ забѣгаетъ впередъ и говоритъ, что если, по свидѣтельству Гордона, князь Федоръ Юрьевичъ Рамодановскій, въ 1694 году, во вторую поѣздку Петра въ Архангельскъ, названъ адмираломъ, то онъ же имѣлъ это званіе и въ 1692 году....

Извѣстія, сообщаемыя барономъ фанъ-Веллеромъ, согласны съ показаніями Лефорта въ томъ, что Петръ имѣлъ на Плещеевомъ Озерѣ довольно большія военныя суда, между которыми наибольшій корабль былъ вооруженъ тридцатью пушками тяжелаго калибра. Конечно, это былъ тотъ самый корабль «Марсъ», на которомъ Петръ преимущественно находился. Вѣроятно, объ этомъ же кораблѣ пишетъ и Гордонъ, по поводу даннаго на немъ обѣда. Наименованіе его «адмиральскимъ кораблемъ», по его объему и сильному вооруженію, возможно; но дѣлать отсюда выводы, о которыхъ говорено выше, нелогично въ виду положительнаго заявленія Лефорта, что Петръ передалъ ему команду надъ этимъ кораблемъ, и что онъ имѣлъ честь находиться на немъ вмѣстѣ съ государемъ. Что Петръ хотѣлъ какъ бы подчинить себя назначенному командиру, явствуетъ изъ того, что, немедленно по прибытіи Лефорта, онъ послѣдовалъ на корабль для его встрѣчи. Въ этомъ смыслѣ надобно понимать и употребленное Лефортомъ выраженіе «нашъ корабль», на которомъ царь угощалъ командира. Во всякомъ случаѣ, нигдѣ и рѣчи нѣтъ ни объ адмиральскомъ

(*) II, 141 и 361.

кораблѣ, ни объ адмиралѣ, и меньше всего о князѣ Рамодановскомъ (*).

Сравненіе обомъ сказаніяхъ, Гордонова и Лефортова, показываетъ немалую разницу относительно того, что случилось въ послѣдніе три дня пребыванія Петра въ Переславлѣ. Нѣтъ причинъ обвинять ни того, ни другаго въ нарушеніи истины; но необходимо имѣть въ виду, что Гордонъ едва-ли хотѣлъ сообщать о почестяхъ, оказанныхъ герою дня: надобно только вспомнить исторію по поводу назначенія Лефорта командиромъ перваго отборнаго полка.

Неизвѣстно, состоялся-ли морской маневръ, о которомъ предвѣдомлялъ фанъ-Веллеръ, заранѣе сомнѣваясь въ его успѣхѣ. И по словамъ Гордона не можетъ быть рѣчи о маневрахъ на озерѣ, ибо плаваніе къ противоположному берегу озера, откуда, по причинѣ противнаго вѣтра, вернулись лишь на четвертый день, конечно нельзя назвать маневромъ. Петръ долженъ былъ убѣдиться, что, для тридцати-пушечныхъ военныхъ кораблей, Плещеево Озеро не годится.... И вотъ въ душѣ юнаго царя зародилось горячее желаніе видѣть открытое море и позабавиться на немъ; но получить на такое неслыханное дѣло дозволеніе царицы-матери было дѣло далеко нелегкое. Когда именно Наталія Кирилловна согласилась, наконецъ, на желаніе сына, можно опредѣлить только приблизительно, ибо лишь изъ письма Лефорта оказывается, что поѣздка въ Архангельскъ была рѣшена прежде 12-го мая 1693 года. «4-го іюля», писалъ Лефортъ брату своему, «мы отправляемся съ его царскимъ величествомъ въ Архангельскъ. Наибольшая часть первыхъ князей и бояръ ѣдетъ туда; изъ иностранцевъ я беру только одного майора и двухъ капитановъ, да нѣсколько служителей. Его царское величество отправляется туда позабавиться (на морѣ), и тамъ велѣно построить нѣсколько барокъ и большое судно».

Раннимъ утромъ, 4-го іюля, послѣ прощальной трапезы у Лефорта, пустились въ путь. Молодаго царя сопровождали вѣрные и преданные ему люди, въ числѣ только *семнадцати* человекъ (**);

(*) Даже нѣтъ положительныхъ доказательствъ, чтобы князь Рамодановскій находился въ Переславлѣ. По крайней мѣрѣ, его еще не было тамъ 4-го августа; въ этотъ день онъ тѣшился, въ своемъ помѣстьѣ, соколиною охотою.

(**) Извѣстнѣйшіе члены „компаніи“, напримѣръ: князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, князь Федоръ Юрьевичъ Рамодановскій, Бутурлинъ (оба такъ называемые генералиссимуса), Зотовъ, Троекуровъ, Апраксинъ и т. д. Имена всѣхъ этихъ лицъ перечислены въ брошюрѣ, изданной въ 1783 году Новиковымъ, подъ заглавіемъ: „О высочайшихъ пришествіяхъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича въ царствующаго града Москвитина Двину, къ Архангельскому городу, троекратно бывшихъ“. Заин-

но со стоюльниками, потѣшными, стрѣльцами и нѣкоторыми другими лицами—въ томъ числѣ три иностранца (кромѣ генерала Лефор-та и доктора фанъ-деръ-Гульста), священникъ и пѣвчіе—все общество состояло почти изъ ста челоувѣкъ. Самъ Петръ принялъ званіе сержанта Преображенскаго полка.

Брошюра Новикова (38 стр. въ 8 д. л.), заглавіе которой приведено выше, въ подстрочномъ примѣчаніи, заключаетъ въ себѣ лишь самыя поверхностныя извѣстія о первой поѣздкѣ и о пребываніи Петра въ Архангельскѣ (преимущественно о посѣщеніи имъ церкви), и потому вдвойнѣ жалъ, что тѣ письма, которыя Лефортъ посылалъ въ Москву по два и по три раза въ недѣлю, не сохранились. Удѣ-ляло только письмо капитана Сеневе въ Женеву, гдѣ онъ замѣ-чаетъ, что «Лефортъ составилъ прекрасное описаніе путешествія въ Архангельскѣ и о блистательномъ приѣмѣ тамъ его величества». Во-обще о семинедѣльномъ пребываніи Петра въ Архангельскѣ сохрани-лось мало достовѣрныхъ источниковъ; но несомнѣнно, что эта пер-вая поѣздка въ приморскій городъ и практическое знакомство съ открытымъ моремъ и съ иностранными военными кораблями, обык-новенно сопровождавшими купеческія суда, наполнили душу Петра многими важными планами для будущаго, и что онъ рѣшился еще разъ побывать въ Архангельскѣ. Письма Лефорта представляютъ ин-тересныя данныя по этому предмету. Упомянувъ, что царь готовится, во второй разъ, ѣхать на Двину и что онъ будетъ сопровождать его туда, Лефортъ писалъ (9-го февраля 1694 года): «По приказанію ихъ царскихъ величествъ, я писалъ амстердамскому бургомистру Витсе-ну по поводу военного корабля, вооруженнаго сорока пушками и снабженнаго всѣмъ нужнымъ. Для уплаты уже посланъ вексель на Голландію о выдачѣ 40,000 талеровъ. Я буду имѣть честь быть капитаномъ этого корабля; князь (Борисъ Алексѣевичъ) Голицынъ будетъ лейтенантомъ, а нашъ великій монархъ шкиперомъ; штурма-номъ же (pilote) останется тотъ, что служилъ въ прошломъ году. Будутъ и еще два другіе военные корабля, подъ командою двухъ генераловъ, кузена моего Гордона и Бутурлина. Всѣ сановники (seigneurs), обыкновенно сопровождающіе дворъ, отправятся въ Архангельскѣ. Дѣлаются большія приготовленія, и все отдано подъ

етвовавъ изъ этой брошюры имена спутниковъ Петра, Устряловъ говоритъ: „хотя съ Петромъ и былъ въ этомъ путешествіи адмиралъ (Рамодановскій), но самъ онъ все еще имѣлъ званіе сержанта Преображенскаго полка“. Между тѣмъ, у Нови-кова *вообще не встрѣчается* слова „адмиралъ“.

мое начальство. Надѣюсь, что все, если будетъ угодно Богу, исполнится по его (Петра) желанію».

Изъ другаго письма Лефорта (въ мартѣ) видно, что онъ уже послалъ бургомистру Витсену паспорта для фрегата (развертогъ pour le navire), долженствовавшего прибыть въ Архангельскъ, вѣроятно съ тою цѣлію, чтобы судно, какъ русская собственность, не было захвачено, по выходѣ изъ Амстердама, флотами воевавшихъ тогда державъ (Англіи и Голландіи съ Франціею). Въ письмѣ упоминается и о флагѣ фрегата, на покупку котораго Лефортъ выплатилъ тридцать тысячъ талеровъ. Всѣ вѣселя посылались къ Витсену подъ его кувертомъ.

О постройкѣ двухъ другихъ судовъ въ самомъ Архангельскѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ записки самого Петра къ Апраксину (отъ 29-го января), заключающей въ себѣ лишь самыя краткія приказанія.

Петръ, по свойству своего характера, не отрѣшался отъ юмора даже въ самыхъ серьезныхъ дѣлахъ. Такъ было и при первыхъ попыткахъ его создать русскій военный флотъ. Онъ хотѣлъ, чтобы три его корабля въ Архангельскѣ, представляя собою какъ бы цѣлый флотъ, имѣли и адмираловъ всѣхъ трехъ ранговъ. И кого же онъ назначилъ въ званіе адмирала и вице-адмирала? Тѣхъ, которые хотя и были ему преданы, но, какъ «генералисимусы», въ первомъ большомъ маневрѣ показали на сколько они были практичны въ военномъ дѣлѣ, и *которые, вдобавокъ, никогда и въ морѣ не бывали...* Контръ-адмираломъ царь выбралъ генерала Гордона, который навѣрное не принялъ бы этого званія, еслибы оно значило болѣе чѣмъ шутку. Что все это, дѣйствительно, не обозначало ничего серьезнаго, видно и изъ шутливаго письма Петра къ Федору Матвѣевичу Апраксину, архангельскому воеводѣ, писаннаго передъ вторымъ путешествіемъ въ Архангельскъ. Въ письмѣ царя, и Рамодановскій и Бутурлинъ представлены въ такомъ видѣ, какъ будто они *страстно любили море и морскую службу....*

Это письмо, и, въ особенности, отиѣтки Гордона, въ которыхъ встрѣчаются чины: *«адмиралъ князь Федоръ Юрьевичъ (т. е. Рамодановскій), вице-адмиралъ Иванъ Ивановичъ (т. е. Бутурлинъ) и контръ-адмиралъ (шаутъ-бей-нахтъ) Петръ Ивановичъ (самъ Гордонъ)»,* суть *единственные источники*, изъ которыхъ видно, что названія генеральскихъ морскихъ чиновъ должны были употребляться во время путешествія. Лефортъ, письменныя сообщенія котораго заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о предпрія-

тѣмъ Петра, *выразу* не употребляетъ слова «адмиралъ» ни прежде, ни во время поѣздовъ въ Архангельскъ. Безъ сомнѣнія, онъ смотрѣлъ на приданные упомянутымъ лицамъ титулы какъ на манифестаціи, которыя хотя и преслѣдовали известную цѣль, но не относились къ дѣлу и постороннимъ людямъ должны были казаться совершенно непонятными. Да и кто понялъ бы, что Петръ *серьезно* назначилъ *трехъ* адмираловъ для своихъ, имѣвшихся въ виду, *трехъ* кораблей или для двадцати двухъ струговъ, на которыхъ онъ хотѣлъ плыть отъ Вологды къ морю? Еслибы что-нибудь подобное было писано изъ Москвы въ Голландію, то что сказали бы тамъ?

Лефортъ сообщалъ лишь дѣйствительные факты, рассказывая, что Петръ намѣренъ вторично ѣхать въ Архангельскъ, повторить тамъ свои «удовольствія» (*ses divertissemens*), удовлетворить своей любви въ морскому дѣлу, и что для этого ему непременно нужно судно большихъ размѣровъ—военный корабль. Имѣть такой корабль на Бѣломъ Морѣ было главнымъ стремленіемъ и цѣлію дѣйствій Петра. Эту-то важную заботу царь возложилъ на своего любимца.

29-е апрѣля было назначено днемъ отъѣзда. На этотъ разъ, по показанію Лефорта, все общество состояло почти изъ четырехъ сотъ лицъ. Одни изъ нихъ принадлежали ко двору молодого царя—князья и бояре, составлявшіе его «компанію»; другіе были его прежніе товарищи и сотрудники—бомбардиры, названные, во время этого путешествія, «констаблями»: они предназначались не только для службы при орудіяхъ, но и для изученія морского дѣла; наконецъ, взяты были изъ отборныхъ полковъ офицеры и солдаты. Число своихъ офицеровъ, маіоровъ и капитановъ Лефортъ показываеъ въ двѣнадцать; «по описи», прибавлено, «ѣдутъ въ качествѣ волонтеровъ, да и вообще наибольшая часть вельможъ (*des grands seigneurs*) состоитъ изъ волонтеровъ; впрочемъ, они имѣютъ ружья и даже стоятъ въ караулѣ: такихъ часовыхъ у меня, или у дверей моихъ, постоянно десять человекъ».

Передъ стѣздомъ, Петръ, со всѣми своими спутниками, обѣдалъ и ужиналъ у Лефорта, и отправился въ путь около полуночи. 5-го и 6-го мая собралось все общество въ Вологдѣ и отсюда рѣшено было плыть водою въ Архангельскъ, куда пришли 18-го мая. Уже на третій день по прибытіи, Петръ приказалъ, чтобы командиры трехъ судовъ запаслись провіантомъ на десять недѣль, для предстоящаго плаванія; но ожидаемый изъ Голландіи фрегатъ еще не приходилъ. 24-го мая, на неоднократныя письма Лефорта отправить поскорѣе этотъ корабль, амстердамскій бургомистръ Витсенъ отвѣ-

чалъ, что фрегатъ готовъ къ отплытію, но задерживается противными вѣтрами, и что на немъ уже развѣвается флагъ его царскаго величества. Зрѣлище необыкновенное для тогдашняго времени: военный корабль, подъ русскимъ флагомъ, въ голландской гавани!... Объ этомъ предметѣ, безъ сомнѣнія, происходила переписка, но когда и какъ условились относительно русскаго флага—неизвѣстно. Дѣло въ томъ, что военный флагъ Россіи былъ составленъ, въ это время, по національнымъ цвѣтамъ Соединенныхъ Голландскихъ Штатовъ, съ измѣненіемъ только порядка ихъ расположенія: вмѣсто *краснаго, бѣлаго, синяго*, тѣ же цвѣта являлись расположенными такъ: *красный, синий, бѣлый* (*).

30-го мая Петръ предпринялъ свое достопамятное плаваніе къ острову, на которомъ построенъ знаменитый Соловецкій Монастырь, въ ста двадцати верстахъ отъ Архангельска. Обстоятельства этого плаванія, сопровождавшагося жестокимъ штормомъ, слишкомъ извѣстны, чтобы говорить о нихъ здѣсь. Когда, 13-го іюня, вечеромъ, царь присталъ къ Соломбальскому острову, во всемъ Архангельскѣ, гдѣ страшились за жизнь государя, слышалось только одно восклицаніе: «Слава тебѣ, Господи!» Петръ, прямо съ корабля, отправился къ Лефорту и провелъ у него вечеръ.

Во время этого отсутствія Петра изъ Архангельска, пришли туда корабли изъ Голландіи, изъ Гамбурга, изъ Бремена и два англійскихъ, что дало вѣнчанному шкиперу возможность близко ознакомиться съ малѣйшими подробностями морскаго дѣла. Почти цѣлые дни проводилъ онъ на кораблѣ, то занимаясь разными работами, то упражняясь въ стрѣльбѣ изъ орудій; часто появлялся на биржѣ или на торговой площади, въ ожеждѣ голландскаго матроса, ласково разговаривалъ со всѣми, бесѣдовалъ даже о важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ, о войнѣ или о мирѣ, стараясь обогатить себя практическими свѣдѣніями по всѣмъ предметамъ. Наконецъ и давно-ожждаемый фрегатъ пришелъ изъ Амстердама, 21-го іюля, къ Соломбальскому острову, пробывъ въ пути пять недѣль и четыре дня. Изъ письма

(*) На русскомъ языкѣ нѣтъ никакихъ источниковъ о происхожденіи этого морскаго флага. Въ брошюрѣ А. Языкова: „*О русскомъ государственномъ цвѣтѣ*“, изданной въ 1858 году, сказано, что упомянутый морской флагъ уже употреблялся и на судахъ Плесеева Озера (въ 1692 году), и на богѣ Петра, при первомъ путешествіи его въ Архангельскъ. Д-ръ Поссельтъ сожалѣетъ, что авторъ не представилъ тому доказательствъ. Что до флага, подъ которымъ стругъ царя находился въ 1693 году, то на этотъ счетъ не можетъ быть сомнѣнія: флагъ этотъ былъ подаренъ архангельскому архіепископу Аванасію и описанъ съ достаточною ясностію въ брошюрѣ Новикова: на флагѣ или штандартѣ былъ изображенъ древній *русскій* гербъ.

Лефорта видно, что уже заранее сдѣланы были всѣ распоряженія о морскомъ путешествіи, въ сопровожденіи иностранныхъ судовъ, лишь только придетъ фрегатъ. 14-го августа караванъ двинулся: онъ состоялъ изъ трехъ военныхъ кораблей Петра, изъ четырехъ англійскихъ и четырехъ нѣмецкихъ (голландскихъ) судовъ. Инструкція, врученная всѣмъ капитанамъ, опредѣляла порядки слѣдованія судовъ и какіе сигналы должны были подаваться въ морѣ. Впереди шелъ вице-адмиралъ; за нимъ четыре голландскіе корабля; потомъ адмиралъ; за адмираломъ четыре англійскія судна и, наконецъ, контръ-адмиралъ. Всѣ сигналы подавались съ адмиральскаго корабля, которому оказываемы были и соответственныя почести. Извѣстно, что это былъ царскій фрегатъ, на которомъ самъ царь былъ шкиперомъ, а Лефортъ капитаномъ; но ничего неизвѣстно, какую фактическую роль игралъ тутъ, такъ-называемый, адмиралъ Рамодановскій.

16-го числа, когда дошли до Орлова-Носа, Петръ созвалъ совѣтъ, который постановилъ: «въ случаѣ противнаго или сильнаго вѣтра, мы должны», пишетъ Гордонъ, «вернуться со своими кораблями, предоставивъ купеческимъ судамъ продолжать путь. Сигналъ будетъ поданъ пятью выстрѣлами съ адмиральскаго корабля, а днемъ флажомъ, поднятымъ на задней мачтѣ». Утромъ слѣдующаго дня, когда флотилія достигла Святаго-Носа, въ 17 миляхъ на сѣверъ отъ Орлова-Носа, «вѣтеръ свѣпчалъ и сдѣлался противнымъ». Тотчасъ раздались условленные пять выстрѣловъ, «чему мы очень обрадовались», откровенно признается Гордонъ. Купеческія суда отвѣчали громомъ прощальной канонады.

21-го августа флотилія вернулась въ Архангельскъ.

Что эта морская прогулка не отвѣчала желаніямъ и видамъ Петра, не подлежитъ сомнѣнію: онъ долженъ былъ убѣдиться, что еще много трудовъ и опытовъ предстояло ему на новомъ поприщѣ; что въ распоряженіи его не было искусныхъ моряковъ, которые могли бы осуществить его планы такъ, какъ они сложились въ его умѣ. Люди, подобныя Рамодановскому, Бутурлину и Гордону, не были, конечно, въ состояніи оказать царю дѣйствительную помощь. Съ отъѣздомъ изъ Архангельска, кончилась и мнимая роль ихъ какъ командировъ военныхъ судовъ, что сердечно ихъ обрадовало, судя по намекамъ Гордона.

26-го августа Петръ выѣхалъ, сухимъ путемъ, въ Москву, куда прибылъ 5-го сентября.

Какой же былъ результатъ его достопамятнаго пребыванія въ Архангельскѣ? какіе планы и идеи породило оно въ душѣ молодого царя?

какія цѣли связывалъ онъ съ кораблями, имѣвшимися теперь въ его распоряженіи? Ни въ русскихъ, ни въ иностранныхъ документахъ нѣтъ данныхъ для отвѣта на эти вопросы; только въ письмахъ Лефорты сохранились нѣкоторые важныя свѣдѣнія.

Еще изъ Архангельска писалъ Лефортъ своему брату: «Говорятъ о путешествіи въ Казань и Астрахань, быть можетъ черезъ два года.... Будутъ построены многія гальоты и имѣется въ виду побывать на Балтійскомъ Морѣ, по поводу торговыхъ сношеній между.... (*) и Москвою.... Меня уже поздравляютъ съ званіемъ адмирала всѣхъ судовъ его величества, и онъ самъ, нашъ великій царь Петръ Алексѣевичъ, хочетъ рѣшить вопросъ. Если такъ случится, извѣщу васъ; но это сопряжено будетъ съ заботами, потому что здѣсь (въ Архангельскѣ) есть флотъ, да въ Переславлѣ прекрасныя суда, и будутъ построены еще многія другія».

Вскорѣ по возвращеніи изъ Архангельска, Лефортъ писалъ (13-го сентября) подробнѣе объ этомъ предметѣ: «Хотятъ непремѣнно, чтобы я носилъ званіе адмирала; я отказывался; но такова воля ихъ величествъ. Это, конечно, доставитъ мнѣ большее содержаніе, и надо признать необыкновенною честью занимать мѣсто перваго генерала и адмирала. Мнѣ уже передано главное начальство (le commandement) надъ всѣми судами. При первомъ торжественномъ случаѣ, я буду объявленъ съ большою церемоніей. Нашъ флотъ состоитъ почти изъ двадцати четырехъ кораблей и галеръ. Будущимъ лѣтомъ назначено построить два большіе корабля и двѣ галеры, которые чрезъ два года, если будетъ угодно Богу, пойдутъ въ Астрахань и вступятъ въ море (Каспійское), для основанія обширныхъ торговыхъ дѣлъ съ Персіей. Я буду начальствовать всѣми судами; мой корабль будетъ носить названіе «Слона», по смыслу нашего герба (**); онъ будетъ весь

(*) Д-ръ Поссельтъ говоритъ, что пропущенное здѣсь слово онъ не могъ разобрать въ подлинномъ письмѣ.

(**) Гербъ фамиліи Лефорты, со времени переселенія ея изъ Италіи въ Женеву, изображалъ пальмовое дерево, возлѣ котораго стоялъ слонъ съ опущеннымъ хоботомъ; шлемъ наверху, съ открытымъ забраломъ, былъ безъ всякаго украшенія. Эти эмблемы, сохранившіяся и на печати Франца Лефорты, получили въ 1694 году, во время пребыванія въ Архангельскѣ, вѣроятно съ вѣдома и дозволенія Петра, нѣкоторыя перемены: пальма была исключена; слонъ представленъ съ поднятымъ хоботомъ; на спинѣ его разостлаво покрывало, а на покрывалѣ помѣщена высокая башня съ зубцами. Шлемъ съ открытымъ забраломъ остался неизмѣненнымъ, но получилъ наверху корону. Печать Лефорты была особенно украшена, для обозначенія его генеральскаго чина, военными эмблемами, а два года спустя, когда онъ былъ назначенъ адмираломъ, и морскими. Внизу слона находились двѣ крестъ-на-крестъ лежащія пушки съ ядрами; справа знамена, штандарты, пики, топоры и т. д., слѣва якоря, канаты и другія корабельныя

вызолоченъ (il sera tout doré) и имѣть опытныхъ голландскихъ матросовъ. Его величество беретъ на себя должность капитана; на кораблѣ должны находиться и нѣкоторые боцре».

По возвращеніи изъ Архангельска и послѣ кожуховскаго похода, остальные мѣсяцы 1694 года были употреблены на военныя упражненія и на приготовленія ко второму азовскому походу. О корабляхъ же или о флотѣ нигдѣ не упоминается; мысль о нихъ отодвинулась назадъ, и хотя въ слѣдующемъ году Петръ ѣздилъ въ Переславль, однако не для судовъ. Это было въ послѣдній разъ, что онъ посѣщалъ мѣсто первой основы русскаго флота. Мы увидимъ, что сталося съ построеными здѣсь кораблями, яхтами и галерами; остальное хранилось въ сараяхъ и все болѣе и болѣе разрушалось (*).

Выше было говорено о томъ, съ какими опытами и намѣреніями, относительно счастливаго исхода борьбы съ турками, возвратился Петръ изъ перваго азовскаго похода. Еще на пути въ Москву царь обращался къ иностраннымъ державамъ о присылкѣ искусныхъ инженеровъ; онъ въ особенности просилъ императора Леопольда и курфюрста Бранденбургскаго поскорѣе прислать ему опытныхъ инженеровъ, минеровъ и фейерверкеровъ. О флотѣ и о назначеніи одного главнокомандующаго арміей совѣщанія должны были происходить въ Москвѣ; царь распорядился только, уѣзжая изъ—подъ Азова, употребить на галеры плѣнныхъ, взятыхъ въ Крымъ.

Тотчасъ по прибытіи въ Москву, планъ кампаніи на слѣдующій годъ былъ уже составленъ. 6-го декабря Дефортъ писалъ: «Азовъ, надѣюсь, продержится недолго; осаду начнутъ прежде, чѣмъ подойдетъ (турецкая) помощь. Затѣмъ флотъ отправится въ сторону отъ Азова, въ море. Тамъ будетъ начальствовать адмиралъ. По близости устья Дона находятся нѣсколько небольшихъ городовъ, т. е. на такомъ разстояніи, что туда можно доѣхать въ одинъ день; на лѣвой сторонѣ жи-

принадлежности. Этотъ гербъ и печать не измѣнялись до кончины Дефорта; но когда, благодаря его возвышенію и благоволенію къ нему императора Леопольда, братъ его Ами, синдикъ женевакской республики, былъ возведенъ римскимъ императоромъ въ дворянское достоинство, тогда къ прежнему гербу Франца Яковлевича прибавленъ былъ двуглавый орелъ, изображенный надъ короною, осыпавшею забрало, и на покрывалѣ, распростертомъ на словѣ. Первоначальный гербъ Дефорта, безъ орловъ, былъ и на флагѣ его адмиральскаго корабля подъ Азовомъ.

(*) Въ 1722 году, отправляясь въ персидскій походъ, Петръ посѣтилъ Переславль и приказалъ тамошнему воеводѣ позаботиться о сохраненіи остатковъ судовъ. Въ 1863 году еще былъ цѣль одинъ боть, спасенный отъ разрушенія крестьянами села Велькова: они построили для него особенное зданіе и тамъ хранили его съ многими другими предметами старины. См. *Устрялова*, II, 145—361.

вуть кубанцы или черкесы; тамъ будутъ произведены высадки. Быть можетъ, я приму въ нихъ участіе. Его царское величество будетъ потѣшаться на морѣ и я его не оставлю».

4-го декабря, въ домѣ Лефорта, происходило совѣщаніе Петра со многими генералами о назначеніи адмирала и главнокомандующаго. Рѣшено было, чтобы бояринъ князь Михайлъ Алегуковичъ Черкасскій занялъ постъ главнокомандующаго, а въ случаѣ его болѣзни—бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шенинъ. Упомянувъ этотъ, Гордонъ ничего не говоритъ о назначеніи адмирала; но несомнѣнно, что и оно было рѣшено тогда же, ибо уже въ январѣ Лефортъ извѣщалъ своего амстердамскаго друга Туртона о томъ, что онъ назначенъ адмираломъ. О томъ же уведомлялъ Лефортъ и брата своего. Да и самъ Петръ желалъ поскорѣе имѣть начальника новаго флота, и въ концѣ ноября уже были приняты всѣ мѣры къ постройкѣ судовъ въ Воронежѣ. Что до состава флота, то первое извѣстіе о томъ находится въ письмѣ Лефорта отъ 28-го февраля. Тамъ сказано: «Его величество удостоилъ меня званіемъ адмирала, и я команду галерами. Ихъ около тридцати, не считая другихъ судовъ; отборныхъ же людей на галерахъ, подъ моимъ начальствомъ, до пяти тысячъ. Его величество носить званіе перваго капитана. Позиція будетъ занята у впаденія Дона въ море, чтобы городу не могла быть подана помощь. Четырьмя тысячами человекъ я займу ретраншаменты, которые построю близъ устья».

Лефортъ сообщаетъ любопытное извѣстіе, что всѣ галеры, находившіяся въ Москвѣ и въ Переяславлѣ, были перевезены сухопутно въ Воронежъ; даже галера, заказанная въ Амстердамъ и прибывшая въ Архангельскъ лѣтомъ 1695 года, когда царь и Лефортъ находились уже подъ Азовомъ, была доставлена водою только до Волгды, а оттуда, чрезъ Москву, въ Воронежъ перевезена сухимъ путемъ. Эта галера была адмиральская.

«Въ предстоящему походу дѣлаются большія приготовленія», писалъ Лефортъ отъ того же числа, «и войска уже выступаютъ въ походъ. Генералъ Шенинъ командуетъ назначенною для осады Азова арміей (отъ 60 до 70,000 человекъ); бояринъ Шереметевъ другою, а гетманъ казаковъ третьею». И въ это—то самое время новый адмиралъ заболѣлъ: ушибъ на правой сторонѣ желудка превратился въ большой нарывъ. «Всѣ врачи и хирурги», извѣщалъ онъ, «пользуютъ меня, день и ночь даютъ лекарства и обдѣлываютъ пластырями. Я могу писать только стоя на колѣняхъ, а между тѣмъ долженъ отвѣчать многимъ высокопоставленнымъ особамъ, ко мнѣ писавшимъ,

именно: принцу Ганноверскому, начальнику союзныхъ войскъ при осадѣ Намюра, первому министру императора, бургомистру Витсену и другимъ. Я вынесъ жестокия страданія». Петръ былъ чрезвычайно опечаленъ болѣзнію своего любимца, и не только пріѣзжалъ къ нему въ домъ для важнѣйшихъ совѣщаній, но неоднократно присутствовалъ и при наложеніи перевязокъ. Въ февралѣ нарывъ прорвался, и больной выразилъ надежду, что чрезъ двѣ недѣли выздоровѣетъ. «Тогда поѣду подъ Азовъ; его вѣчичество Петръ Алексѣевичъ уже отбылъ въ Воронежъ, куда долженъ отправиться и я».

Незадолго передъ отъѣздомъ, Петръ былъ у Лефорта, когда мимо дома его проходилъ «морской баталіонъ» или «морской полкъ», называвшійся также и «полкомъ морскихъ войскъ». Этотъ полкъ былъ сформированъ отчасти изъ отборныхъ солдатъ Лефортова полка (*), отчасти изъ преображенцевъ, въ особенности же изъ констаблей послѣдней архангельской поѣздки. Способнѣйшіе и искуенѣйшіе изъ нихъ еще прежде были отправлены въ Воронежъ, чтобы руководить судостроеніемъ. По недостатку свѣдѣній, ничего нельзя сказать положительнаго объ исполненныхъ здѣсь работахъ. Нигдѣ не опредѣляется, сколько новыхъ судовъ было построено на воронежской верфи. Если число принадлежавшихъ къ флоту и посланныхъ подъ Азовъ показывается въ двадцать девять и тридцать, то, изъ вышеприведенныхъ словъ Лефорта, надобно заключить, что не всѣ они были сооружены въ Воронежъ. Такое скорое изготовленіе, и притомъ въ короткое время, едва-ли было возможно даже при самой усиленной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что ощущался недостатокъ въ корабельныхъ мастерахъ и рабочихъ, ибо вытребованные изъ Архангельска прибыли уже въ апрѣлѣ, почти къ концу работъ, а выписанные изъ-за границы корабельные капитаны и подавно не могли прибыть скоро. Да и климатическія условія этого года препятствовали успѣшному ходу судостроенія. До половины марта шли проливные дожди; потомъ вдругъ наступила такая стужа, что рѣки стали и о работахъ на открытомъ воздухѣ нечего было и думать. Въ исходѣ марта повѣяло весеннимъ воздухомъ, но всѣ воды вышли изъ береговъ и залили окрестности. Затѣмъ, отъ 7-го апрѣля, въ продолженіе четырехъ дней, дулъ порывистый восточный вѣтеръ и бушевала вьюга съ такимъ холодомъ, что никто не выходилъ изъ до-

(*) О томъ, что этотъ полкъ долженъ былъ принять участіе въ походѣ, Лефорть писалъ: „Cela (служба на флотѣ) n'empêchera pas que mes régiments ne soient devant Azow“. При осадѣ, полкъ занималъ почти ту же позицію, что и въ прошломъ году.

ма. Невозможно, следовательно, допустить, чтобы Петръ изготовился своимъ флотомъ къ 1-му мая, т. е. ко дню назначенному для отбытія подь Азовъ, если бы прежнія суда не оказали царю существенной услуги. Да и съ ними было много хлопотъ: въ одномъ мѣстѣ ихъ надлежало разбирать, въ другомъ собирать, и потомъ опять доставлять на стапель.

Есть, впрочемъ, свидѣтельства о возникновеніи флота въ Воронежѣ: это письма Лефорта (на русскомъ языкѣ) изъ Москвы къ самому царю. Въ одномъ изъ нихъ (отъ 10-го марта) онъ увѣдомляетъ Петра, что всѣ галеры (каторги) отправлены, по его царскому велѣнію, изъ Москвы и проситъ извѣстить о ихъ прибытіи; въ другомъ (отъ 21-го марта), отвѣчая на увѣдомленіе царя, что капитаны съ галерами не прибыли, повторяетъ, что всѣ они выѣхали изъ Москвы, и недоумѣваетъ, не остановились ли они (капитаны) гдѣ-нибудь на дорогѣ и не «покинули-ли каторги?» Это было въ первый разъ, что Лефортъ находился въ разлукѣ съ царемъ при важномъ предпріятіи, и потому въ первый же разъ возникла между ними переписка. О существованіи ея не знали до нашего времени, и только недавно академикъ Пекарскій отыскалъ письма въ государственномъ архивѣ и напечаталъ ихъ. Въмѣстѣ съ тѣми письмами, которыми были писаны Петромъ и Лефортомъ при второй разлукѣ (когда царь ѣздилъ въ Англію), они представляютъ рядъ сорока въ высокой степени интересныхъ документовъ (*).

Изъ нихъ видно, между прочимъ, что еще былъ назначенъ контръ-адмиралъ (шаутъ-бей-нахтъ), именно Балтазаръ Емельяновичъ де-Лозье; вѣроятно, въ это же время послѣдовалъ выборъ и вице-адмирала, въ лицѣ полковника Георгія Степановича Лимы (**). Самъ царь носилъ званіе капитана.

(*) По обнаруженіи этихъ писемъ, академикъ Устряловъ коснулся еще разъ значенія Лефорта въ исторіи Петра Великаго. Не репечатая ихъ въ приложеніи къ IV тому своего труда (отдѣленіе I), онъ съ торжественно указываетъ на новые доказательства, что не можетъ быть и рѣчи о томъ, будто Лефортъ былъ «образователемъ» и «руководителемъ» Петра. Д-ръ Посселятъ, въ свою очередь, опровергаетъ, по законамъ исторической критики, мнѣніе академика Устрялова въ особомъ прибавленіи ко второму тому.

(**) Имя Георгія Лимы (Lima), родомъ венеціанца, встрѣчается въ первый разъ въ 1678 году, во время чигиринскаго похода. Онъ служилъ, въ чинѣ подполковника, инженеромъ въ полку Гордона, который командовалъ этимъ полкомъ и въ 1680 году, живя въ Кіевѣ. Здѣсь Лима находился до 1685 года; потомъ о немъ упоминается въ 1688 году, по поводу экспедиціи противъ татаръ. Въ 1690 году онъ долженъ былъ быть въ Москвѣ, гдѣ, по хранящемуся въ вѣвскомъ архивѣ письму, хлопоталъ о вызовѣ католическихъ священниковъ. Въ исходѣ 1694 года, Лима опять встрѣчается въ Москвѣ, а въ слѣдующемъ году, имѣя чинъ

Восемь и семь, илсацныхъ Лефортомъ въ Петру до прибытія въ Воронежъ, всё дышатъ непритворною заботливостію о здоровьѣ царя, страдавшаго въ это время болѣю въ ногѣ, и выражаютъ скорбь, что ему не суждено, по причинѣ недуга, быть возлѣ «его милости» (любимое выраженіе Лефорта), хотя онъ и сдѣлалъ всевозможныя распоряженія. Онъ писалъ царю, 10-го марта, что ничего болѣе не жаждетъ, какъ уѣхать поскорѣе изъ Москвы, но что распутина не позволяетъ, при его ранѣ, пуститься въ дорогу, недоступную ни для саней, ни для телеги, равно и вследствие стужи и вѣтра. Наконецъ, 31-го марта, Лефортъ выѣхалъ изъ Москвы, но подвигался впередъ такъ медленно, что добрался до Воронежа только 16-го апрѣля, испытавъ немалыя страданія: отъ дурныхъ дорогъ онъ не могъ лежать ни въ саняхъ, ни въ коляскѣ, а постоянно долженъ былъ сидѣть.

Въ Воронежѣ сосредоточены были всё принадлежности для азовскаго похода: тысяча триста струговъ предназначались для поднятія московской рати, съ артилеріей, снарядами и провіантомъ. Генераль Гордонъ, со второю дивизіей отборныхъ полковъ и съ четырьмя стрѣleckими полками, генераль Головинъ, съ кавалеріей и пѣхотой, кромѣ полковъ Преображенскаго и Семеновскаго, и наконецъ главнокомандующій Шенъ двинулись внизъ по Дону 23-го, 25-го и 26-го апрѣля (*). Лефортовъ полкъ, на сколько онъ долженъ былъ находиться на флотѣ, остался.

полковника, принимаетъ участіе въ первомъ азовскомъ походѣ, вѣроятно въ составѣ полка Гордона. Назначенный въ званіе вице-адмирала, онъ является на пономѣ поприщѣ дѣятельности. Долго-ли оставался Лима въ этомъ званіи, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, едва-ли далѣе 1698 года, когда Петръ назначилъ вице-адмираломъ голландца Корнелия Брейса. По „Разряднымъ Книгамъ“ 1702—1704 годовъ, Лима, все еще въ чинѣ полковника, служилъ въ Лефортовомъ полку и былъ убитъ въ Лиаллинѣ, въ войну со шведами.

О Балтазарѣ де Лозье упоминаетъ Лефортъ въ 1687 году, какъ объ одномъ изъ двухъ французовъ, находившихся въ рѣсской службѣ. По словамъ Лефорта, онъ былъ уроженецъ города Экса (Aix), въ Провансѣ, имѣлъ чинъ подполковника и пріѣхалъ въ Москву изъ Персіи; по другому же извѣстію того же года, де Лозье прибылъ въ Москву изъ Персіи, имѣя чинъ майора, съ царемъ Имеретинскимъ. Гордонъ упоминаетъ о немъ, по поводу его женитьбы, въ 1692 году, въ Намецкой Слободѣ. Изъ „Разрядныхъ Книгъ“ видно, что Лозье былъ, въ 1693 году, полковникомъ Курскаго рейтарскаго полка, а въ первый азовскій походъ служилъ въ Лефортовомъ полку. Въ челобитной, поданной имъ Петру передъ вторымъ походомъ, заявлено, что теперь онъ, Лозье, откомандированъ съ Францомъ Яковлевичемъ „для службы на водѣ“. Это относилось къ назначенію его шаутъ-бей-нахтомъ (контръ-адмираломъ). Подъ Азовомъ Лозье былъ раненъ и умеръ, по возвращеніи въ Москву, 22-го февраля 1697 года.

(*) На русскомъ языкѣ есть старинное описаніе второго азовскаго похода,

Что касается судовъ, образовавшихъ флотилію, то адмиралъ, въ письмахъ своихъ въ Женеву, называетъ ихъ просто «галерами», и только одинъ разъ прибавляетъ: «и многія другія суда» (bâtimens). Въ бумагахъ же его, писанныхъ въ Россіи, онъ неоднократно упоминаетъ объ *одной* галеасѣ: разъ изъ Москвы, увѣдомляя цара о пересылкѣ этого судна въ Воронежъ; потомъ, во время своего пребыванія въ Черкасскѣ (24-го мая), онъ писалъ, что галеаса находится тамъ и ждетъ только попутнаго вѣтра, чтобы идти въ Азову, и, вскорѣ за тѣмъ (3-го іюля), когда просилъ Петра о приказаніи на счетъ «якорей и канатовъ», назначенныхъ въ Сергіевъ-городъ, какъ были теперь переименованы азовскія каланчи. Существованіе *одной* галеасы подъ Азовомъ согласно и съ показаніями Гордона: онъ упоминаетъ «о галеасѣ капитана Мейера» и пишетъ: «такелажъ и другіе предметы начали свозить съ галеасы и съ галеръ». Подъ этими обоими наименованіями слѣдуетъ, какъ извѣстно, разумѣть лишь гребныя суда, отличившіяся другъ отъ друга только размѣрами. Смотря по тому, имѣли-ли они двѣ или три мачты, сколько находилось на нихъ гребцовъ и какъ велико было пространство для помѣщенія людей и орудій, суда назывались или «галеасами», или «галерами» (*). Что до величины русскихъ галеръ, то здѣсь достаточно ограничиться указаніемъ на экипажъ галеръ адмирала и «капитана», т. е. цара. На адмиральской галереѣ находились: 1 подполковникъ, 3 майора, 2 капитана, 6 поручиковъ, 4 прапорщика и 93 унтеръ-офицера и рядовыхъ; другая галера имѣла, кромѣ «капитана»: 1 поручикъ, 1 комендора, 1 канонира, 1 ботсмана, 1 констабля, 1 унтеръ-констабля, 27 матросовъ, 1 юнгу и 172 унтеръ-офицера и солдатъ (**). Галера эта называлась «Принципіумъ».

изданное въ Москвѣ *Василіемъ Рубаномъ*, въ 1773 году, подъ заглавіемъ: „Походъ боярина и большаго полку воеводы Алексѣя Семеновича Шенна къ Азову, взятіе сего и Лютина-города и торжественное оттуда съ побѣдоноснымъ воинствомъ возвращеніе въ Москву“. Въ этомъ описаніи помѣщенъ именной списокъ всѣхъ войскъ, участвовавшихъ въ походѣ.

(*) Въ русскихъ бумагахъ, Лефортъ употреблялъ, вмѣсто французскаго слова „galères“, слово „галеа“, заимствованное или у итальянцевъ, или у англичанъ, или у голландцевъ (galea, gallia, по итальянски, galley, по англійски, galey, по голландски), или нидерландское и датскіе выраженія „каторга“, совершенно тождественное. Странно, что Устряловъ называетъ составныя части гребной флотиліи „галеасами, галерами, каторгами“, какъ будто „галеры“ и „каторги“ суда равнаго рода.

(**) Офицеры были взяты большею частію изъ бомбардировъ Преображенскаго полка: такъ, на галерѣ Петра, Альбрехтъ Пиль служилъ лейтенантомъ, Головинъ—командоромъ*, Волковъ—канониромъ, Гаврило Меншиковъ—ботсманомъ, Кобылинъ и Вернеръ—констаблями. Самый многочисленный экипажъ на одной изъ галеръ доходилъ до 228 человѣкъ.

3-го мая Петръ писалъ думному дьяку, Андрею Виніусу: «Сегодня съ осмью галерами въ путь свой пошли, гдѣ я отъ господина адмирала учиненъ есмь командіоромъ. А какія еще остались и для чего, и объ этомъ писалъ я Гаврилѣ Ивановичу». За день передъ тѣмъ царь извѣщалъ князя Рамодановскаго о томъ, что завтра адмираль отправляется съ восемью галерами изъ Воронежа. Но этого не случилось, и только одинъ «командіоръ» отправился въ путь; когда же двинулся Лефортъ съ отдѣленіемъ флота, или съ какимъ числомъ галеръ—опредѣлить въ точности трудно, равно и время отбытія вице-адмирала и контръ-адмирала, со ввѣренными имъ судами.

«Командіоръ» торопился такъ, что уже 15-го мая достигъ города Черкаска, на разстояніи одного дня пути отъ Азова. Онъ не только перегналъ главнокомандующаго, но почти началъ и Гордона, отправившагося изъ Воронежа десятью днями раньше. Въ Черкасскѣ, атаманъ донскихъ казаковъ, Фролъ Минаевъ, сообщилъ царю-капитану важное извѣстіе о появленіи двухъ турецкихъ кораблей въ устьѣ Дона. Петръ тотчасъ приказалъ сниматься съ якоря, и въ ночь на 19-е число уже находился со своимъ караваномъ у каланчей, или у Ново-Сергіева. Такъ какъ онъ взялъ съ собою свой первый морской трофей, отнятую у турковъ, въ прошломъ году, «полугалеру», то имѣлъ подъ своимъ начальствомъ девять галеръ. По безотлагательномъ совѣщаніи, что должно теперь предпринять, рѣшено было, чтобы царь, со своими девятью судами, сопровождаемый 40 казачьими лодками (по 20 человекъ на лодкѣ), подъ начальствомъ атамана Минаева, немедленно вышелъ въ море и атаковалъ непріятельскіе корабли.

(Продолженіе будетъ.)